Жизнь в гармонии с природой как образ «золотого века» в культуре Античности

Life in harmony with nature as an image of the "golden age" in the culture of antiquity

Томан И.Б.

I.Toman

Статья посвящена теме истории памяти. Образы прошлого изменчивы, но некоторые его черты, особенно «доброго старого времени», остаются почти неизменными. Одна из них – жизнь в гармонии с природой. Как понималась она в Античности, когда европейцы впервые задумались об экологических проблемах, что такое «Золотой век» и каковы его метаморфозы в культуре последующих эпох – об этом идет речь в статье.

The article is devoted to the history of memory. The images of the past are changeable, but some of its features, especially the “good old time”, remain almost unchanged. One of them is life in harmony with nature. As it was understood in Antiquity, when Europeans first thought about environmental issues, what is the “Golden Age” and what are its metamorphoses in the culture of subsequent eras – this is discussed in the article.

Ключевые слова: история памяти, историческое сознание, экологическое сознание, «Золотой век», Античность.

Key words: history of memory, historical consciousness, environmental consciousness, the Golden Age, Antiquity.

Золотой век. Слева – Лукас Кранах Старший(1530), справа – Пьетро да Кортона (1637)

Образы прошлого сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Они есть в каждой культуре и, чем дальше, тем более множится их число. Обычно это «золотой век», реже – «проклятое прошлое» и еще реже – лишенное эмоциональной окраски былое. Людям свойственно недовольство настоящим, и свое представление о том, как могло (должно) быть, они переносят на прошлое, образ которого связан с самосознанием породившей его культуры.

О зависимости образов «доброго старого времени» от проблем настоящего писали многие исследователи. Означает ли это, что мы никогда не узнаем заранее, какое прошлое будет у нас завтра? И да, и нет. Да, потому что жизнь непредсказуема, и мы вообразить себе не можем тех манипуляций, которым будет в дальнейшем подвергнута история. Нет, потому что, бросив беглый взгляд на образы «золотого века» разных времен и народов, мы заметим, что черты их сходны. Среди вневременных «архетипических» образов «светлого прошлого» – социальная гармония, святость семейных уз, религиозность, воинская доблесть, «честная бедность», преобладание духовных ценностей над материальными, сильное государство, врожденное чувство справедливости вместо фиксированного законодательства, самобытная национальная культура, здоровые сильные добросердечные люди, хороший климат и, наконец, жизнь в гармонии с природой. Не все эти

признаки встречаются одновременно, однако жизнь в гармонии с природой, будучи самой древней характеристикой образов «золотого века», присутствует в них почти всегда.

Представления об идеальных взаимоотношениях с природой менялись, однако многое оставалось неизменным, и потому сетования римлян эпохи Империи, тоскующих то по славному республиканскому прошлому, то по «Сатурнову царству», кажутся нам порой странно знакомыми.

В данной статье мы рассмотрим представления о жизни в гармонии с природой в Античности на примере произведений, посвященных идеализированным образам прошлого. Термин «золотой век», фигурирующий в ее заглавии, употребляется в переносном широком смысле, в значении идеального прошлого, «доброго старого времени», и потому пишется со строчной буквы. Что касается его происхождения, то о нем будет сказано чуть позже.

Гесиод (VIII-VII вв. до н.э.), описывая в поэме «Труды и дни» время правления Кроноса, когда на земле жил «золотой род» (chruseon genos) людей, говорит о природе как о доброй щедрой матери, дающей своим чадам все необходимое. Тогда земля сама давала обильный урожай, а людям оставалось лишь спокойно собирать его и присматривать за многочисленными стадами: «Большой урожай и обильный / Сами давали собой хлебодарные земли. Они же, / Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства, – / Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных» [3, с.53].

Гесиод – крестьянин, и его восприятие жизни в гармонии с природой лишено сентиментальности. Люди «золотого рода» просто пользовались ее дарами – и все. Иное дело – философ-пифагореец, естествоиспытатель и жрец Эмпедокл (V в. до н.э.). Его тревожит вражда между людьми и животными, убийство которых он считает преступлением. В поэме «Очищения» Эмпедокл пишет о времени, когда людьми правила милосердная богиня любви: «Вовсе не знали они ни войны, ни смятения битвы, / Зевса не знали царя, Посейдона не знали, ни Крона, / Но лишь Киприду царицу…» Ей приносились

бескровные жертвы, ибо «обагрять алтари непорочною кровью животных, / Душу из них исторгать, пожирать благородные члены – / Все это гнусным грехом почиталось у них справедливо». Поэтому «кроткими были все твари, и к людям легко приучались / Звери и птицы: везде дружелюбно Любовь процветала» [13, с.83-84].

В связи с этим можно вспомнить слова пророка Исайи (VIII в. до н.э.), рисующего образ будущей жизни на обновленной, очищенной от греха земле: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исайя, 11:6-8).

Трудно сказать, был ли знаком Эмпедокл с этим или подобными древнееврейскими пророчествами о будущей космической гармонии, представляющей собой некий возвращенный Рай, воскресшее сакральное прошлое. Образ возрожденного «золотого века» оказался более востребованным в римской культуре.

Римляне заимствовали изложенный Гесиодом миф о счастливой жизни при Кроносе, существенно изменив его и обогатив новыми заимствованиями и смыслами. Они не только назвали правление Кроноса Сатурновым царством и Золотым веком. Они иначе расставили акценты и актуализировали содержание мифа.

Термин «Золотой век» (aurea saecula) впервые встречается у Вергилия (I в. до н.э.) в «Энеиде», и это не случайно. По мнению Ю.Г.Чернышева, «до этого в античной традиции была распространена не «хронологическая», а «генеалогическая» интерпретация мифа о жизни при Кроносе (Сатурне) и последующей истории: эта история мыслилась не как смена эпох, но как смена совершенно различных, никак между собой не связанных родов. (…) Отмечаемый у Вергилия и почти всех его последователей переход от «золотого рода» к «золотому веку» явился важнейшим качественным сдвигом в

интерпретации мифа, позволившим резко актуализировать утопическое содержание древних преданий, сделать возможной мечту о возвращении счастливой жизни при Кроносе (Сатурне) для живущих ныне несчастных людей «железного рода» [11, с.16-17]. Идеологическая подоплека этой идеи понятна: Вергилий связывает возвращение Золотого века с правлением Октавиана Августа. В то же время в «Энеиде» и особенно в четвертой эклоге «Буколик», где также речь идет о наступлении Золотого века, прослеживается связь с пророчествами из «Сивиллиных Книг», представляющих соединение Библии с античной мифологией и философией.

В четвертой эклоге, предсказывая наступление Золотого века, поэт говорит о примирении с природой: люди перестанут обрабатывать землю и заниматься мореплаванием: «Море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут / Мену товаров вести – все всюду земля обеспечит. / Почва не будет страдать от мотыг, от серпа – виноградник; / Освободит и волов от ярма хлебопашец могучий» [2, с.41].

В первой главе «Метаморфоз» Овидия (I в. до н.э.- I в.н.э.) содержится одно из наиболее развернутых описаний мифического «золотого века», который, кстати, в тексте оригинала именуется «золотым поколением» (aurea aetas). Здесь многое заимствовано у Гесиода: идеальный климат, плодородная почва, изобилие. Однако главное не это. Овидий начинает свой рассказ с того, что позже назовут «естественным правом»: люди «золотого поколения» обходились без законодательства и, повинуясь природному чувству справедливости, поступали как должно: «Первым век золотой народился, не знавший возмездий, / Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду, и верность. / Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали / Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая / В страхе решенья судьи, – в безопасности жили без судей» [7, с.101]. Другая особенность эпохи «золотого поколения» – отсутствие войн: «Упражнений военных не зная, / Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди» [6, с.101].

Естественное право и всеобщий мир – прямое следствие бережного и

благоговейного отношения к природе. Люди не обрабатывали землю, дабы не заставлять ее давать больше, чем она может и хочет: «Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой, / Плугом не ранена, все земля им сама приносила» [7, с.101].

Золотое поколение» не знало и мореплавания. Овидий осуждает это занятие не в силу его опасности для человека. Мореплавание – явное нарушение законов природы: сосна, которая растет на возвышенностях, должна, повинуясь прихоти человека, плавать по морю: «И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы / С гор не спускалась своих сосна на текущие волны» [7, с.101].

Далее Овидий, следуя Гесиоду, описывает нравственную деградацию человечества: за золотым веком следует серебряный, затем медный, затем век беспощадных войн и, наконец, современность – железный век, самый преступный и жестокий. Однако, если у Гесиода в центре внимания распад традиционных межличностных связей и конфликт поколений, то у Овидия «грехопадение» начинается с нарушения человеком природного равновесия и порядка: люди стали обрабатывать и делить землю и буквально все перевернули с ног на голову: растущие на горах сосны заставили плавать по воде, а полезные ископаемые, спрятанные в недрах земли, извлекли наружу. Результаты не заставили себя долго ждать: попытка покорить природу и изменить ее законы породила вкус к богатству и жажду наживы, которые стали главной причиной всех нынешних и грядущих бедствий: «Начали парус вверять ветрам (…), и на высях стоявшие горных / На непривычных волнах корабли закачались впервые. / Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух, / Длинной межою поля землемер осторожный разметил. / И от богатой земли не одних урожаев и должной / Требовать стали еды, но вошли в утробу земную. (…) / Стали богатства копать, – ко всякому злу побужденье!» [7, с.102].

В пятнадцатой главе «Метаморфоз» Овидий вновь обращается к образу идеального прошлого. Поводом стало изложение учения Пифагора, основное внимание в котором поэт уделяет проповеди вегетарианства: «Он первым считал преступленьем / Пищу животную (…) / Алчным телом жиреть, пожирая такое же тело, / Одушевленному жить умерщвлением одушевленных!» [7,

с.412]. Далее Овидий приводит слова Пифагора о далеком прошлом, когда человек жил в гармонии с окружающим миром: «Древний, однако же, век, Золотым называемый нами, / Только плодами дерев да травой, землей воспоенной, / Был удовольствован; уст не сквернил он животною кровью. / Птицы тогда, не боясь, безопасно летали под небом / И по просторам полей бродил неопасливо заяц; / За кровожадность свою на крюке не висела и рыба. / Не было вовсе засад, никто не боялся обмана, все было мирно тогда» [7, с.412-413]. С чего же началось «грехопадение»? В первой главе, как мы помним, космическое гармония была нарушена тогда, когда люди стали делить землю, и все перевернули с ног на голову, занявшись добычей полезных ископаемых и мореплаванием. Здесь же «грехопадение» началось с употребления мясной пищи.

Идеи и образы из первой главы «Метаморфоз» мы встречаем в одной из любовных элегий Овидия, где поэт, сетуя на неверность возлюбленной, которая предпочла ему богатого воина, вспоминает «Сатурново царство», когда царил мир, ценилась поэзия и люди жили в гармонии с природой, не покушаясь на ее свободу: «В век, когда в небесах Сатурн господствовал старый, / В недрах ревниво земля много богатств берегла. / Золото и серебро, и медь и железо таились / Рядом с царством теней, – их не копали тогда. / То ли земные дары: пшеница, не знавшая плуга; / Соты, доступные всем, в дуплах дубовых; плоды… / Землю в то время никто сошником могучим не резал, / Поля от поля межой не отделял землемер. / Не бороздило зыбей весло, погруженное в воду. / Каждому берег морской краем казался пути. / Против себя ты сама искусилась, людская природа, / И одаренность твоя стала тебе же бедой. / Вкруг городов для чего воздвигаем мы стены и башни, / Вооружаем зачем руки взаимной враждой? / Море тебе для чего? Человек, довольствуйся сушей. / В третье ли царство свое мнишь небеса превратить?» [6, с.87].

Обеспокоенность римлян экологическими проблемами выражалось не только в форме сетований об утраченном «золотом веке», когда «добродетельные дикари» не обрабатывали и не делили землю, не занимались мореплаванием, не добывали полезные ископаемые и не ели мясо. Их тревожило

сокращение сельскохозяйственных угодий, строительство роскошных вилл на месте полей, изменение привычного ландшафта, загрязнение водоемов. «Земли уж мало плугу оставили / Дворцов громады», – говорит Гораций (I в.н.э.). Искусственные пруды, цветники вместо олив – все это вызывает негодование поэта, заставляя его вспомнить «доброе старое время», когда сельское хозяйство было главным занятием римлян, не знавших имущественного неравенства: «Скромны доходы были у каждого, но умножалась общая собственность» [4, с.114, пер. А. Семенова-Тян-Шанского].

Римские авторы хорошо понимали, что насилие над природой приводит к обострению социальных проблем. Оно разжигает жажду наживы и приводит к роскоши, которая является главной болезнью нынешнего века, – такова основная идея Сенеки (I в.н.э.). Полемизируя с философом Посидонием, утверждавшим, что ремесла и искусства, изобрели мудрецы, Сенека утверждает: «Счастлив был век, еще не знавший архитекторов. (…) Под соломой жили свободные, под мрамором и золотом живут рабы. (...) Мы рождены на все готовое, но, пресытившись легко доступным, обрекли себя на трудности. (...) Страсть к роскоши отошла от природы, она ежедневно сама себя разжигает и растет уже много веков, изобретательностью способствуя порокам. (…) Земля, пока ее не обрабатывали, была плодороднее, и простора хватало всем народам, не расхищавшим ее. (...) Оружье оставалось праздным, руки не обагрялись человеческой кровью, и вся ненависть обращалась против диких зверей. (…) Мы ворочаемся под нашим пурпуром (...), а им как сладко спалось на твердой земле! (...). Ни у кого не было домов в размер города – был воздух, и вольное дыхание на просторе, и легкая тень скалы либо дерева, и прозрачные источники, и ручьи, не загрязненные ни канавами, ни трубами, и луга, красивые без всякого искусства, и среди них – грубая хижина, сложенная неумелой рукой. (...) А теперь само жилище есть одна из первых причин нашего страха» [8, с.539-540].

В Средневековье сохранилась мечта о жизни в гармонии с природой, но чувство вины перед ней было вытеснено чувством вины перед Богом, а миф о Золотом веке –

образом Эдема, где пребывали Адам и Ева, не познавшие еще добра и зла.

Питер Пауль Рубенс, Ян Брейгель Старший (Бархатный). Райский сад (1615)

Представление о потерянном Рае во многом было связано с пророчеством Исайи о будущем мирном сосуществовании людей и животных и античными мифами о Золотом веке. Художники Ренессанса и XVII века обычно изображали Рай в виде пейзажного парка, где беззаботно гуляют олени, а кроткие львы щиплют траву. Правда, такое представление о Рае разделяли не все. Иероним Босх, изобразив Рай в триптихе «Сад земных наслаждений» показал на первом плане кошку, пожирающую мышь. Означает ли это, что, по мнению художника, зло проникло в Эдем не после грехопадения, а раньше, в момент сотворения женщины? Или художник считал тотальное вегетарианство и отсутствие борьбы за существование невозможным даже в Раю?

В эпоху Ренессанса вместе с античным наследием возродилось и чувство вины перед природой. Известный гуманист и архитектор XV века Леон Баттиста Альберти дает человеку уничижительную характеристику, не менее страстную, чем многочисленные апологии, прославлявшие его

неограниченные возможности и власть над природой. Человек, считал Леон Баттиста Альберти, противопоставил себя природе, став смертельным врагом всему живому и самому себе: «Нет существа, столь же ненавидимого всеми другими, как человек. Добавь еще, сколь пагубен человек для самого себя со своим честолюбием, стяжательством и непомерным желанием жить в удовольствиях и безделье (...). Другие животные довольствуются тем, что им полагается; только человек в вечной погоне за новым сам себе приносит вред. Не довольствуясь всей ширью земли, он хочет добыть все под землей, под водой, в горах, силится подняться выше облаков. (…) О беспокойное и неудовлетворенное никаким своим состоянием и положением существо! Иной раз, когда природе надоедает неуемная дерзость, присущая нам, желающим знать все ее тайны, направлять и подделывать ее, она изыскивает новые бедствия, дабы избавить себя от наших забав, а заодно научить уважать ее. Что за глупость смертных, ищущих знать, когда, как и какой смысл и какая цель всякого установления и предприятия Бога. (...) Природа упрятывает золото, металлы и другие минералы; мы же извлекаем их наружу. Она рассыпала камни-самоцветы, сообщив им формы, которые ей, замечательной художнице, показались наиболее подходящими. Мы же, кромсая, даем им новую отделку и форму. Она установила различия деревьев и плодов; мы их скрещиваем. (...) Сосны бежали на высокие горы, расположенные вдали от моря; мы же их стаскиваем, словно бы только для того, чтобы они мокли в морской воде. Залежи мрамора находятся в земле; мы же его располагаем на фасадах храмов. И так нам противна всякая природная свобода, что мы смеем обращать в рабов даже самих себя. (…) Свою утробу человек хочет превратить в общую могилу всех вещей, трав, плодов, птиц, рыб. Ни под землей, ни над землей нет ничего, чтобы он ни пожирал. Смертельный враг тому, что он видит и чего не видит, он стремится все поработить. Враг человеческому роду, враг самому себе» [1, с.130-136].

В этом фрагменте мы встречаем знакомую нам критику мореплавания и добычи полезных ископаемых как переворачивания природного порядка с ног

на голову, а также идею о связи экологических и социальных проблем, которая встречается уже у римских авторов. Однако Альберти дополняет список преступлений человека против природы: выведение новых сортов растений и попытки усовершенствовать ее посредством ювелирного искусства. Однако главное преступление – неуемная жажда познания и связанное с ней стремление к порабощению: окружающего мира, других людей и, в конечном итоге, самого себя.

Альбрехт Дюрер. Портрет Освальда Креля (1499).

Напряженное нервное лицо молодого предпринимателя контрастирует с простодушными и бесхитростными дикарями. По преданию, эти люди обитали в дремучих германских лесах и были потомками тех, кто решил покинуть погрязший в грехах цивилизованный мир.

В эпоху Ренессанса и особенно в Новое время возродились и представления об идеальном прошлом как жизни в гармонии природой, и это уже не только Эдем. Все более заметным явлением в культуре становится пришедший из Античности «добродетельный дикарь», живущий в мире с природой и себе подобными. Он предстает то в обличии далеких и не очень далеких предков, то шерстистых «лесных людей», то - обитателей, открытых европейцами заморских земель, а то в образе патриархальных добродетельных крестьян в своей собственной стране.

Восходящая к Античности ностальгия о «золотом веке», когда люди жили в гармонии с природой, существует и в наше время. Она неразрывно связана с уверенностью в том, что «доброе старое время» не окончательно покинуло нас, что оно сохранилось в сельской местности, где живут

высоконравственные «честные труженики», противопоставляемые порочным горожанам-бездельникам. По-прежнему жива и древняя идея о возвращении «золотого века», которое одни ждут с нетерпением, а другие – с опаской. Впрочем, это уже отдельная тема.

Литература

1. Альберти Леон Баттиста. Теодженио // Кудрявцев О.Ф. Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. – М.: Юрист, 1996. – С. 130-136.

2. Вергилий. Буколики. Перевод С.В.Шервинского // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 29-61.

3. Гесиод. Труды и дни. Перевод В.В. Вересаева // Гесиод. Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001. – С. 51-75.

4. Гораций. Оды, эподы, сатиры, послания. – М.: Художественная литература, 1970. – 479 с.

5. Книги Сивилл. http://www.htinstitute.co.il/library/knigi-sivill/ Время обращения: 05.03.2020.

6. Овидий. Любовные элегии. Перевод С.В.Шервинского // Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 25-96.

7. Овидий. Метаморфозы. Перевод С.В. Шервинского // Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 99-434.

8. Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Мыслители Рима. – М.: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 381-622.

9. Томан И.Б. Образы "золотого века" в культуре Европы и России // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения". 14 мая 2013 года.

Москва-Ярославль: Редмер, 2013. – С. 83-89.
10. Томан И.Б. Чувство вины перед природой в культуре Античности и Ренессанса // Природа и человек в пространстве культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной году экологии в Российской Федерации, в Башкирском государственном университете 27 апреля 2017 года. Часть 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 110-115.
11. Чернышов Ю.Г. Гесиод и Овидий: опыт источниковедческого анализа античных описаний «Золотого века» // Источниковедческие проблемы всеобщей истории. – Караганда, 1991. – С. 15-35 http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1407697303. Время обращения: 05.03.2020.
12. Чернышов Ю.Г. Древний Рим: мечта о золотом веке. – М.: Ломоносов, 2013. – 240 с.
13. Эмпедокл. Очищения // Якубанис Г. Эмпедокл. Ф. Гельдерлин. Смерть Эмпедокла. – Киев: Синто, 1994. – С.83-84.

Жан Огюст Доминик Энгр. Золотой век (1862)